

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИК ЛЕМУРИЯ

Физическая антропология была той областью, в которой огромное влияние Миклухо-Маклая еще при его жизни никем не оспаривалось. Анучин суммировал мнение О. Финша, прямо указывавшего на этот факт, правда, не без ложки дегтя: «Самое важное из написанного М.-Маклаем относится к антропологии, и именно к антропологии папуасов или меланезийцев; для этой расы он должен быть признан одним из самых выдающихся авторитетов. К сожалению, и по этой расе он довольствовался только заметками, измерениями и рисунками (редко фотографиями), но не делал, напр., гипсовых слепков с живых особей и почти не собирал коллекций (за исключением черепов и мозгов)» [Цит. по: Анучин 1923: 68]. Пожалуй, на фоне современной физической антропологии отмеченные Финшем «недостатки» говорят больше о нем самом, чем о Миклухо-Маклае. Далее мы попытаемся оценить вклад Миклухо-Маклая в развитие физической антропологии, не пересекая границу компетентности этнографии, т.е. оставаясь в тех пределах, в которых суждения могут строиться без обращения к помощи таблицы Брока, таблицы Мартина или толстотного циркуля.

Об объеме преобразований, которые Миклухо-Маклай привнес в физическую антропологию, можно судить по двум крайним отметкам — его выпискам в тетради “Ethnologia” (1869–1870) и публичным лекциям (1886).

В тетради “Ethnologia” сделано множество выписок, касающихся классификации рас в этой части Земли [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–14]. Представим списки рас, приведенные Миклухо-Маклаем, в виде таблицы (см. с. 52).

Схема дифференциации рас в данном регионе, созданная Миклухо-Маклаем, соответствует современным представлениям хотя бы за счет исключения «альфуров», гипотетической расы внут-

Уоллес	Бэр	Мюллер	Причард
Альфурь Полинезийцы Папуасы Австралийцы Малайцы	1-я группа: обитатели Новой Голландии Альфурь Меланезийцы или папуасы 2-я группа: Океанийцы или полинезийцы	Австралийцы Папуасы Малайцы	Малайе- полинезийцы Папуасы Альфурь и австралийцы

ренных районов Новой Гвинеи, загадка происхождения которой в то время волновала мировую антропологию¹¹. В конспекте первой лекции 1886 г. значится: «Три расы в Тихом океане: меланезийская, полинезийская, австралийская. Следы большого распространения меланезийской расы встречаются на Филиппинских островах, Малайском полуострове, Андаманских и Никобарских островах» [Миклухо-Маклай III: 308–335].

Совершенно новых версий в трактовке отношений родства между отдельными расовыми стволами в данном регионе Миклухо-Маклай не выдвигал, тестируя уже существующие концепции, но весьма успешно. Свою роль в истории изучения тех или иных вопросов он оценивал абсолютно адекватно. Как он сам однажды выразился в письме Вирхову (1875) по более конкретному поводу путешествия по Малайскому полуострову, «ряд гипотез и предположений превратился благодаря моему путешествию в *надежные* факты и *положительные* наблюдения» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Миклухо-Маклай V: 150]. Однако такое «превращение» одних гипотез при отбрасывании других означает создание некоторой единой теории. Триада «меланезийская — полинезийская — австралийская раса» является не чем иным, как первой теорией подобного рода в данной области знания. Фактически последующие исследования лишь развивали и уточняли теорию Миклухо-Маклая.

¹¹ Согласно Словарю Дж. Крофорда, «альфорас» («альфориас», «альфорес», «альфурс», «арафурас» или «харафурас») — слово, взятое из португальского языка и служащее для обозначения населения «внутренних областей больших островов Молуккского моря». Предположительно происходит от арабского артикля «ал» и предлога «фора» («без»). Португальцы использовали это слово для обозначения групп неподвластного им населения [Crawfurd 1856: 10].

Основной термин этой теории — способ решения вопроса об «альфурах». Во время чтений 1882 г. Миклухо-Маклай говорил: «Основываясь на *поверхностных и отрывочных наблюдениях различных путешественников*, позднейшие ученые предполагали существование в Новой Гвинее нескольких различных племен, причем *отличали прибрежных жителей от обитателей внутренних гористых областей* («альфуров». — П.Б.)... я пришел к положительному убеждению, что никакого племенного или расового различия между прибрежными жителями и обитателями горных местностей не существует, везде живет одно и то же племя, имеющее одинаковый *антропологический habitus*¹² и отличающееся по местностям только языком и подробностями образа жизни и обычаев. Таким образом, вопрос о существовании в Новой Гвинее нескольких различных *племен* решен мною в отрицательном смысле» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 417].

В свою очередь тезис об антропологическом единстве населения Новой Гвинее служил средством перехода к проблеме соотношения папуасской (меланезийской) расы с другими «темными», или «курчавоволосыми», расами. «Далее, — писал Миклухо-Маклай в 1882 г., — касательно черепа папуасов существовало мнение, что отличительный его признак — долихоцефалия, или длинноголовость. Это мнение принималось как совершенно доказанная истина, и даже один из известнейших современных антропологов профессор Р. Вирхов считал необходимым на основании формы черепа отличить как две самостоятельные и отдельные расы *длинноголовых* (долихоцефальных) *папуасов*, с одной стороны, и *короткоголовых* (брахицефальных) *негритосов* (Филиппинских островов). Для разрешения этого вопроса — длинноголовости (долихоцефалии) папуасов — я обратился как к *самому надежному средству к измерению голов туземцев*... я сделал сотни таких измерений, и к моему величайшему удивлению, между сотнями измеренных голов десятки оказались брахицефальными или очень склонялись к брахицефалии (короткоголовости)» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Как в свое время было отмечено М.Г. Левиным, Миклухо-Маклай опроверг бытовавшее тогда положение об определяющем значении головного указателя при разграничении отдельных рас, обнаружив среди

¹² Термин «антропологический habitus» закрепляется его повторением в других текстах (см., например: [Миклухо-Маклай II: 428]).

папуасов залива Астролябии индивидов как с долихоцефалией, так и с брахикефалией, что соответствует современной антропологической теории [Левин 1960: 64].

К вышеупомянутому аргументу Миклухо-Маклай добавляет результаты исследования формы волос:

«Во многих учебниках по антропологии как на признак, отличающий папуасов от других *темных, курчавоволосых рас*, указывается, что у папуасов курчавые волосы растут будто бы неравномерно, а группами, или пучками... Следовательно, и этот общепринятый в учебниках признак папуасского племени оказался несостоятельным» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 418].

«Наконец, *некоторые антропологи, никогда не выезжавшие из Европы*, как на хороший признак при классификации различных рас (папуасской, негритосской, негритянской) указывают на размер (диаметр) спирали (завитка) волос... и это основание (диаметр спирали волос) классификации рас, которое было серьезно защищено некоторыми учеными, не выдерживает критики» (курсив мой. — П.Б.) [Там же].

Объединяя «курчавоволосые» группы в одну меланезийскую расу, Миклухо-Маклай четко отделял ее от полинезийской и австралийской рас, используя в качестве дифференцирующих признаков только два: цвет кожи и форму волос. В стенограмме лекции 1886 г. мы находим некоторые детали: «Н.Н. указал на карте пределы распространения трех главных рас Тихого океана. Эти расы: полинезийская (прямоволосая и светлокожая), меланезийская (темнокожая и курчавоволосая) и австралийская (темнокожая и прямоволосая). *Относительно последней среди ученых происходил спор, не оконченный еще и в настоящее время: одни считали австралийцев ветвью полинезийцев, другие же причисляли их к папуасам.* Наконец, проф. Гексли совершенно правильно выделил их в самостоятельную расу; *по наблюдениям Н.Н. выводы Гексли совершенно подтверждаются.* В периоде доисторическом австралийская раса была, вероятно, очень распространена, но затем, с течением времени, она повсеместно стала вытесняться и стусшеываться. *Следы ее Н.Н. находил даже на материке Азии*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 399]. Наряду с полинезийской расой Миклухо-

Маклай выделял микронезийскую расу, объясняя ее отличия «меланезийской примесью», выражающейся в «большей курчавости волос», «темном цвете кожи», «некоторых особенностях черепа» и т.д. [Миклухо-Маклай II: 442].

«Обратным ходом» метода Миклухо-Маклая выступает положение о внутренней дифференциации меланезийской расы. Как явствует из письма Вирхову (1879), суждения о его одержимости поиском доказательств единства этой расы несколько преувеличены: «Будучи убежден, высокоуважаемый господин профессор, что Вы разделяете мои взгляды на значение беспристрастного разъяснения многих антропологических вопросов, касающихся меланезийского племени, как и на необходимость более обстоятельного изучения взаимоотношений между его ветвями, я смею думать, что мой план окажется достойным вашего полного одобрения» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай V: 216]. На чтениях 1882 г., обращаясь к аудитории, Миклухо-Маклай говорил: «...в конце 1872 г. на Берегу Маклая я предположил исследовать, по возможности, *все разветвления меланезийской расы*, чтобы составить полное представление о всей папуасской или меланезийской расе» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 442].

Таким образом, в системе взглядов Миклухо-Маклая выделение меланезийской расы как некоторого единства по отношению к полинезийской и австралийской расе подразумевает «разветвления» внутри первой. В «Этнологических экскурсиях по Малайскому полуострову» (1875) Миклухо-Маклай подытоживает свои наблюдения над меланезийскими народностями внутренней части Малайского полуострова:

«На основании собственных исследований и наблюдений я пришел к заключению, что оранг-сакай и оранг-семанг принадлежат к одному и тому же племени, далее, они стоят очень близко друг к другу как по физическому типу, так и в языковом отношении и представляют собой чистое, несмешанное ответвление меланезийцев, будучи поэтому совершенно отличны от малайцев в антропологическом отношении.

Главным образом по форме черепа, обнаруживающей тенденцию к брахицефалии, меланезийские народности Малайского полуострова близки к негритосам Филиппинских островов и, подобно последним, стоят недалеко от папуасских племен Новой Гвинеи» [Миклухо-Маклай IV: 21].

Действительно, Миклухо-Маклаю не удалось дифференцировать веддоидов-сеноев (сакаев) от негритосов-семангов по современной антропологической классификации. Хотя в записи его лекции 1886 г., вполне вероятно именно в отношении веддоидных признаков, отмечено, что «Н.Н.» находил следы австралийской расы «даже на материке Азии» (см. выше). Вообще оценивать результаты антропологических исследований Миклухо-Маклая следует не с точки зрения будущих открытий, а с точки зрения «наличного бытия» науки. Ведущие антропологи того времени либо вообще не отличали сеноев и семангов от малайцев, либо отождествляли их с классическими негроидами («неграми») [Миклухо-Маклай II: 432; IV: 21]. Когда речь идет о вкладе Миклухо-Маклая, его достижения следует измерять теми задачами, которые ставила современная ему наука. Похоже, что он неплохо с ними справлялся.

В рамках своей «панпапуасской» теории Миклухо-Маклай вроде бы также *не видел* существенного антропологического различия между папуасами и собственно меланезийцами. Описывая свою высадку на о-ва Адмиралтейства, он подчеркивал: «Не развлекаясь множеством оригинальных украшений и новых для меня мелочей, навешанных на туземцах, наполняющих их пироги, я старался уловить *общий тип*. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и о. Адмиралтейства (южного берега) ни чем иным, как *географическими разновидностями одного племени*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай II: 104–105]. Ключевыми словами здесь являются термины «общий тип» и «географические разновидности одного племени». В данном случае распространенная в то время концепция, согласно которой антропологические особенности людей обусловлены различиями окружающей среды, служила вполне научной и, следовательно, работоспособной парадигмой при классификации расовых признаков. Поскольку была очень слабо разработана иерархия признаков, позволяющих создать стройную таксономическую систему от высших к низшим единицам, Миклухо-Маклай пользовался линейкой «ближе — дальше»: разновидности папуасской расы ближе друг к другу, чем к полинезийской или австралийской расе; с другой стороны, интуитивно «раса папуасов» ближе к «расе негров», чем к «белой расе». Иначе говоря, в своих выводах он учитывал проблему классификации человеческих рас в целом. В полевых записях Миклухо-Маклая есть пометка относительно

формы волос папуасов, на основе чего он делает вывод: «Итак, вероятно, что *папуасы, как и негры*, — очень измененное племя, происшедшее от *индифферентного родоначальн[ого] племени с курчавыми и прямыми волосами*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай I: 334].

Из этого небольшого пассажа видно, что Миклухо-Маклай хотя и не ставил для себя во главу угла вопросы эволюции, но постоянно держал в уме общетеоретические представления на этот счет. Вероятно, секрет данного замечания заключается в отсылке к теории существования материка Лемурии. Эрнст Геккель, учитель Миклухо-Маклая, считал этот гипотетический материк территорией формирования некоторой исходной племенной формы «темнокожих рас», к которой, по его мнению, ближе всего стоят папуасы (*Ното рариа*), ранее заселявшие не только Новую Гвинею и расположенные к востоку острова Меланезии, но и полуостров Малакку, Филиппины и многие острова Океании, о чем можно судить по «разрозненным остаткам этой расы» (цит. по: [Бутинов 2001: 6]). Идея привлечения взглядов Геккеля при ответе на вопрос, почему Миклухо-Маклай выбрал исходным пунктом своих исследований Новую Гвинею, а целью изучения — папуасскую расу, принадлежит Н.А. Бутинову [Там же: 5–6].

Независимо от фантастичности идеи существования в прошлом этого гипотетического материка само представление о нем способствовало объединению антропологических наблюдений Миклухо-Маклая в единый виртуальный «антропологический материк». Если предположить, что информация, почерпнутая из лекций Геккеля, в сознании Миклухо-Маклая наложилась на изучение им этнической карты данного региона Герланда, на которой все области, перечисленные Геккелем, закрашены одним коричневым цветом и обозначены как места расселения “*рариа*”¹³, можно почти не сомневаться, *как и где* у него сложилась идея путешествия на Новую Гвинею с целью исследования папуасской расы¹⁴. Безусловно,

¹³ См.: [Waitz 1865].

¹⁴ Это совпадает, во-первых, с тем фактом, что в записной книге “*Ethnologia*”, датированной 1868–1869 гг., уже есть раздел “*Neu Guinea*”, а во-вторых, с тем фактом, что в письме Герланду в 1869 г. Миклухо-Маклай говорит о его книге, являвшейся второй частью пятого тома труда Вайца “*Anthropologie der Naturvölker*”, в котором и помещена упомянутая карта (см. предыдущий раздел).

на это накладывается как география, так и структура исследований Уоллеса. В тетради “Etnologia” есть такая запись со ссылкой на с. 26 немецкого перевода книги Уоллеса: «Валлас склоняется к мнению многих этнологов, которые, следуя В. ф. Гумбольдту и Притчарду (Притчарду? — П.Б.), рассматривают все океанийские расы как модификации одного типа (eines Typus)» (подчеркнуто Миклухо-Маклаем. — П.Б.) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 2].

В продолжение поиска ответа на вопрос, почему Миклухо-Маклай выбрал Новую Гвинею центром своих исследований, необходимо вернуться к тому моменту, когда он впервые переключил свое внимание с зоологии на антропологию и этнографию. В письме к Дорну в мае 1969 г. он ссылается на имена знаменитых путешественников того времени: Дэвида Ливингстона, Самюэля Бейкера, Джеймса Гранта, Джона Спика, Герхарда Рольфса, Карла Мауха и др. [Миклухо-Маклай V: 35]. Все они являются исследователями Африки.

С другой стороны, в конце тетради “Ethnologia” можно обнаружить небольшой прямоугольный листок бумаги со списком литературы, вклеенный между страницами [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 42–42 об]. Записи в большинстве очень краткие, сделанные крайне неразборчивым почерком (см. рис. 3). Но уже из тех наименований, что пока удается полностью «расшифровать», становится ясно, что это старые — даже в то время — издания, в которых описываются путешествия в страны Южных морей, т.е. в Австралию и Океанию (Австралия, Новая Гвинея, Фиджи, Тонга, Таити, Гавайи, Палау), или обзоры, посвященные этнографии данного региона в целом. Приведем некоторые названия¹⁵:

Ellis W. Polynesian Researches. Hawaii. London, 1830. Vol. I–II.

Ellis W. An Authentic Narrative of a Voyage performed by Captain Cook and Captain Clerk... London, 1782. 2 Vols.

Eyre E.J. Journals of Expedition of Discovery into Central Australia and overland from Adelaide to King George’s Sound, in the years 1840–1841. 1845. 2 Vol.

Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner. Bremen, 1865

¹⁵ Согласно этой выборке, ни одно из изданий не пересекает временную границу 1870 г.

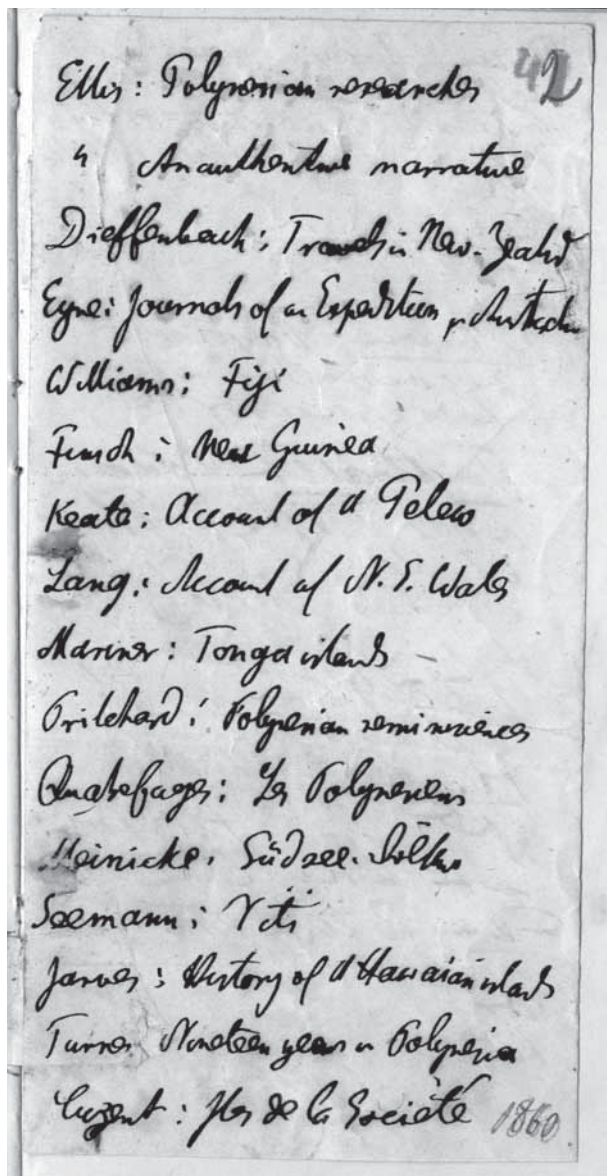

Рис. 3. Вклейка между страниц тетради "Ethnologia" со списком источников по этнографии Австралии и Океании

Lang J.D. An historical and statistical account of New South Wales both as a penal settlement and as a British Colony. In Two Volumes. London, 1837.

Mariner W. An Account of the Natives of the Tonga Islands, in the South Pacific Ocean: with an orig. grammara. vocabulary of their language. London, 1817. 2 Vol.

Quatrefages A. de. Les Polynésiens et leur migrations. Paris, 1866.

Meinicke C.E. Die Südseevölkern und das Christentum. Prenzlau, 1844.

Peron F. Voyage de decouverts aux Terres Australes. Paris, 1824.

Reisen den Spanier nach der Südsee insbesondere nach der Insel O-Theiti. Berlin, 1802.

Forster G. Geschichte der See Reisen und Entdeckungen in sud Meer. Berlin, 1778–1788.

Essai sur l'isle d'Otahiti, située dans la mer du Sud; et sur l'esprit et les murs de ses habitants. Paris, 1771.

Учитывая, с одной стороны, интерес Миклухо-Маклая к теме расовой классификации, возникший из лекций Геккеля, и прежде всего к вопросу об «исходной форме всех шерстистоволосых темнокожих рас», а с другой — очень раннее появление листка, вклеенного позднее в тетрадь “Ethnologia”, можно заключить, что Африка является тем «недостающим звеном» между путешествием на Канарские острова и отправлением в экспедицию на Новую Гвинею. В целом по тому, как велась тетрадь “Ethnologia”, условно можно датировать перенос основного внимания с Африки на Австралию и Океанию (главным образом на Новую Гвинею) серединой 1869 г., а с антропологии на этнографию — 1873 г., что совпадает с собственными утверждениями Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай II: 95].

Сделаем небольшое отступление, сказав, что уже на этой стадии анализа рукописей Миклухо-Маклая можно было не сомневаться в обманчивости впечатления о его неспособности сосредоточиться на каком-либо одном научном предприятии так, чтобы довести его до конца. В самом начале он создал некую единую схему и впоследствии неуклонно следовал единой стратегии в реализации своих исследовательских интересов в географическом и дисциплинарном плане. На практике в течение многих лет — посредством сбора материалов и их теоретического осмысления — он методично

выполнял первоначально намеченную им программу. Вспомним фразу Миклухо-Маклая в отчете 1877 г.: «Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав» [Миклухо-Маклай V: 552–553]. Однако диапазон его исследований был столь широк, что стороннему наблюдателю («непосвященному») действительно может показаться, что он «разбрасывался», якобы будучи не в состоянии выработать единую линию своих научных изысканий.

Позднее, в 1879 г., Миклухо-Маклай писал: «Видев негритосов, сакай, семанг, папуасов, меланезийцев разных островов Тихого океана, я никак не могу согласиться с сильными выражениями г. проф. Вирхова, который предполагает негритосов абсолютно отличным племенем от всех остальных темных племен Океании, Азии и Африки»¹⁶ [Миклухо-Маклай III: 272]. Возражения Миклухо-Маклая строятся на том, что «совпадение общего физического *habitus*» противоречит использованию преимущественно данных краниологии [Там же].

Из сказанного вытекает, что новизну метода Миклухо-Маклая следует искать в разработке принципов всеобщей классификации рас на материалах конкретного, хотя и очень обширного региона. Он постепенно упрощал свою систему, как бы «забывая» использовать в своих выводах те или иные признаки и таким образом в сформулированном виде или контекстуально решая для антропологии проблему «существенные — несущественные (второстепенные) признаки». В конечном счете он остановился на цвете кожи, форме волос и, по остаточному принципу, форме черепа. Возможно, современная физическая антропология имеет более совершенные методики, но методика Миклухо-Маклая и теоретические выводы, сделанные на ее основе, не выглядят как нечто устаревшее в научном отношении на фоне различных интерпретаций в рамках современного антропологического знания. Приведем несколько примеров.

В современных учебниках по антропологии в качестве основополагающей приводится классификация И. Деникера, опубликованная в 1902 г. Она базируется на понятии «соматологических единиц» (или «теоретических типов»), выделяемых по двум ведущим признакам: форме волос и цвету кожи [Хрисанфова, Перевозчиков

¹⁶ Выступление Вирхова на заседании Берлинского антропологического общества 12 июня 1872 г.

1991: 227]. Ниже мы увидим, что понятие «соматологической единицы» Деникера соответствует понятию «антропологического habitus'a» («общего типа») Миклухо-Маклая, который при классификации рас в первую очередь опирался на форму волос и цвет кожи. Сопоставление взглядов Деникера и Миклухо-Маклая в вопросах антропологической классификации приобретает особый смысл в свете недавнего, казалось бы, чисто библиографического открытия Т.И. Шаскольской. Речь идет о работе Деникера 1883 г., представляющей собой «серьезный библиографический обзор» трудов Миклухо-Маклая, в отличие от «компилятивных биографических очерков» других авторов того времени, которых больше интересовал «своеобразный и привлекательный характер» известного путешественника (см. раздел 4 настоящего издания). Следовательно, можно предположить существование определенной генеалогической связи между взглядами Деникера и Миклухо-Маклая.

Некоторые другие элементы физико-антропологической системы Миклухо-Маклая также принципиально не отличаются от «терминов теорий», созданных антропологами в XX в. Многим элементам его системы можно поставить в соответствие элементы той или иной системы, прочно вошедшей в историю антропологии. Различие касается даже не столько комбинации этих элементов, сколько их маркировки, или терминологии. Можно сказать, теоретические воззрения Миклухо-Маклая *изоморфны* современной антропологической теории.

Последнее замечание касается и многих более частных вопросов. У Миклухо-Маклая была чрезвычайно развита научная интуиция, позволявшая почти безошибочно определять перспективность использования тех или иных понятий. Так, явление, которое он обозначал термином «индифферентность», в современной антропологической литературе именуется «протоморфностью» [Козинцев 2008: 357]. При рассмотрении вопроса о расогенезе в рамках южно-тихоокеанского региона с учетом таких факторов, как стадиальность расообразования, архаичность отдельных черт (например, зубной комплекс), метисация, климатическая адаптация, А.Г. Козинцев приходит к выводу: «Из всего этого следует, что выявление родственных связей групп в данном регионе очень затруднительно. Миклухо-Маклай был прав, говоря о внешнем сходстве аэта и семангов с папуасами. Но прав был и Вирхов, отрицавший родство

этих групп. Сходство тут не свидетельствует о родстве» [Козинцев 2001: 94–95]. Следовательно, нельзя сказать, что набор аргументов и суждений Миклухо-Маклая там, где речь идет о построениях достаточно высокого уровня абстракции, утратил «полемическую остроту». «Маклаевский треугольник» в виде триады «полинезийская — меланезийская — австралийская раса» при соответствующих разбиениях и трансформациях исходного графа сохраняется до настоящего времени. (Ср.: в современной антропологии, с одной стороны, *австралийцы*, тасманийцы, *папуасы* и *меланезийцы* (сахульская стадия), с другой — южные монголоиды, *полинезийцы*, микронезийцы, айны, *азта*, *семанги* и андаманцы (сундийская стадия) [Там же: 94].)

Маклаевская антропологическая триада имеет еще одну особенность. Ее можно представить как эквивалент графа «неукорененное дерево», применение которого было бы полезно даже в наше время, поскольку данный граф не содержит корня. В учебниках по антропологии расовые классификации чаще всего представляют собой граф «укорененное дерево». Это не вполне соответствует состоянию современных знаний, имея в виду то, что принципом научности является повторяемость эксперимента. На общем фоне выгодно выделяется схема расовой классификации в учебнике «Антропология» (1978) Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина, представляющая собой вариант графа «неукорененное дерево» [Рогинский, Левин 1978]. Миклухо-Маклай был, пожалуй, первым, кто интуитивно описывал антропологическую «систему родства» без указания общего «предка», ограничиваясь только отражением связи «листьяев». Согласно известному положению, связи между выделяемыми расовыми типами обнаружить проще, чем направление эволюции. Для сравнения укажем, что Геккель в то же время и в той же ситуации пытался (как известно, безуспешно) применить граф «укорененное дерево».

Из определения «индифферентного родоначального племени», к которому Миклухо-Маклай возводил негроидную и папуаскую (меланезийскую) расы [Миклухо-Маклай I: 334], извлекается граф, сходный с графом Рогинского–Левина. У Миклухо-Маклая объединение «негров» и «папуасов» эквивалентно понятию большей экваториальной расы, в противоположность евразийской (европеоидной) и азиатско-американской (монголоидной). На рис. 4 эти расы обозначены цифрами в порядке упоминания.

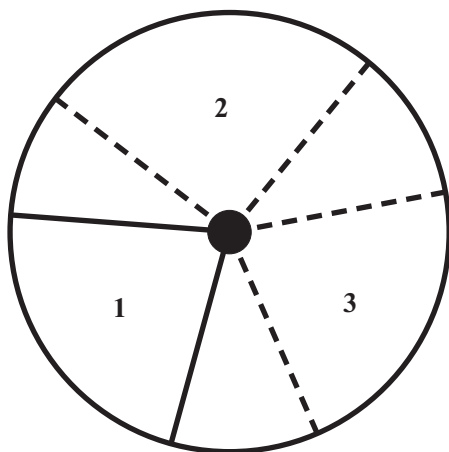

Рис. 4

Как известно, метод есть оборотная сторона теории, следовательно, по используемому методу всегда можно реконструировать соответствующую теорию в качестве набора «протокольных предположений». С этой точки зрения нельзя утверждать, что Миклухо-Маклай «избегал широких выводов и обобщений». Во всяком случае если он избегал «обобщений» в строгом смысле слова, то это не так плохо, поскольку научную теорию в принципе невозможно построить путем обобщения. Любая теория возникает из абстрагирования реальности, в результате которого конструируется ряд теоретических объектов. Какие теоретические объекты удалость сконструировать Миклухо-Маклаю в области физической антропологии?

На первое место следует поставить введение им понятия антропологического типа, который он называл «антропологическим habitus'ом» [Миклухо-Маклай II: 417, 428]. В «Программе предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана», которая была представлена на общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г., Миклухо-Маклай упоминает о «многочисленных разговорах» с «разными специалистами по зоологии и анатомии», как то: Гексли, Гегенбауэр, Геккель, Вирхов, Гартман. Из этих бесед он «мог прийти к заключению, что *черепу и его форме далеко нельзя придавать такого значения, каким они пользовались в прежнее время*. Все эти ученые были *согласны*, что до сих

пор мало еще обращали внимание на исследование (в особенности микроскопическое) *волос и кожи* разных рас, а также на *форму и величину разных частей тела*. Разумеется, исследуя целый “*habitus*” человека какой-нибудь расы, следует обращать должное внимание и на череп; но *отдельный путешественник* (курсив мой. — П.Б.), собирая черепа, собирает только частичку того материала, который со временем только приведет, может быть, к более широким выводам. На долю же *зоолога, имеющего случай наблюдать и исследовать людей различных рас живыми*, выпадает исследование признаков, которые, может быть, еще менее постоянны, чем костяной остов человека; но в совокупности они могут дать более *полную и верную характеристику расы*, чем один череп, его размеры и кое-какие заметки о цвете кожи и волос» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 302]. Весьма характерна оговорка, что ученые, с которыми он обсуждал эти вопросы, «были согласны» с положениями, несомненно выработанными самим Миклухо-Маклаем. Эти положения можно резюмировать следующим образом: необходимость исследовать «целый “*habitus*”» человека определяется задачей дать «полную и верную характеристику расы». При этом надо подчеркнуть идею недостаточности краниологии без данных соматологии («наблюдения и исследования людей различных рас живыми»).

Такая постановка вопроса является косвенным способом определения предмета физической антропологии как дисциплины, изучающей изменения биологической «наружности» человека во времени и пространстве. В этом контексте основная задача, которую решал для себя Миклухо-Маклай, состояла в установлении границ между антропологией и (сравнительной) анатомией. Синонимичность понятий «антропология» и «анатомия» была одним из признаков зачаточного состояния антропологических знаний того времени. Об этом можно судить, например, по тому, с каким серьезным видом обсуждался вопрос о «малости» мужского полового органа у меланезийцев в сравнении с «чрезмерной величиной» этого органа у негров в качестве определителя «зоологического характера расы» [Миклухо-Маклай II: 109–110].

В первые годы исследований антропология для Миклухо-Маклая однозначно являлась синонимом анатомии. В частности, в одном из цитировавшихся выше текстов встречается фраза об изучении папуасов с антропологической (в скобках — анатомической. — П.Б.) стороны [Там же: 95]. Это неслучайная оговорка.

Отмечая «примордиальность» состояния физической антропологии, Миклухо-Маклай сводил ее к понятию «сравнительной анатомии человеческих рас» (“Rassenanatomische Studien”), поэтому для него основным методом было «анатомическое исследование у секционного стола» [Миклухо-Маклай III: 273; V: 217]. В 1877 г. он настоятельно предлагал Вирхову «что-нибудь сделать для продвижения расово-анатомических исследований»: «Я обращаюсь с этими предложениями к Вам, глубокоуважаемый господин профессор, потому что думаю, что у Вас уже давно сложилось понимание настоящей необходимости анатомии человеческих рас как основы антропологии...» [Там же].

По логике тогдашних представлений, в рамках «сравнительной анатомии человеческих рас» внимание фокусировалось на «энцефалологии». Как писал М.Г. Левин, «в антропологии того времени не вызывали сомнения определенные расовые отличия в строении борозд и извилин, которые трактовались как проявления я “низших” и “высших” типов» [Левин 1960: 75]. «Считая исследование мозга людей темных рас делом первой важности для антропологии, — писал Н.Н. Миклухо-Маклай в 1879 г. секретарю Русского географического общества, — я не пропустил ни одного смертного случая в госпитале и имел удовольствие добыть таким образом шесть экземпляров мозга туземцев островов Тихого океана (меланезийцев)» [Миклухо-Маклай V: 217].

Можно взять другой пример из письма Вирхову 1880 г.: «Изучение мозгов представителей различных человеческих рас... привело меня к тому мнению, что существуют не незначительные особенности, которые можно, как я думаю, истолковать *не только как индивидуальные различия*» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 247]. Данное письмо особенно интересно трактовкой вопроса. Миклухо-Маклай, в целом следуя наличной парадигме, не исключал возможности (очевидно, в виду единичности данных), что наблюдаемые различия носят не расовый, но индивидуальный характер. Ради чистоты эксперимента он послал фотографии мозгов австралийца, тагала и китайца без подписей, чтобы иметь независимое мнение Вирхова, являются ли наблюдаемые различия в расположении извилин «более, чем индивидуальными», в частности в плане относительной «высоты типа» [Там же]. Более того, он, явно имея в виду «высоту» культуры, ставит перед Вирховым такой вопрос: «*Какой из трех мозгов (А.И.С.) могли бы Вы обозначить как принадлежащий монголу,*

австралийцу и малайцу (тагалу)?» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Там же]. «Ваш почтенный ответ, — писал Миклухо-Маклай, — которого я жду с нетерпением, внесет важные поправки в мое суждение о степени различия данных мозгов, на которое, возможно, повлияло мое знание рас, к которым принадлежали владельцы 3-х мозгов» (курсив мой. — П.Б.) [Там же]. Из последующих писем доподлинно неизвестно, прочел ли Вирхов этот тест, как неизвестен и ответ самого Вирхова. Разумеется, если исходить из современных знаний, результат должен быть отрицательным. В философии науки это называется *решающим*, т.е. *парадигмообразующим, экспериментом*. Впоследствии Миклухо-Маклай не оставлял исследований мозга, но интерес к этому вопросу как индикатору расовой принадлежности у него явно угас [Там же: 365]. На практике это означало изменение существующей парадигмы.

Гипотеза о существовании «низших» и «высших» типов строения борозд и извилин мозга включала представление о том, что расовые (физические) отличия проявлялись в различии «умственных способностей». В качестве примера приведем одно из высказываний Крофорда, авторитетного в те времена антрополога, на которого Миклухо-Маклай ссылаясь по более конкретным антропологическим вопросам: «Соединение высших и низших видов человеческой расы дает промежуточное по свойствам потомство. Отпрыск скандинава и негра ниже по отношению к первому и выше по отношению ко второму. Отпрыск англичанина и австралийца является выродждением для англичанина и до некоторой степени улучшением для австралийца. Метис гораздо ниже испанца, но много выше краснокожего индейца. Плод союза китайца и малайца... есть ухудшение в китайце и улучшение в малайце» [Crawford 1861: 356–357]. Как и подавляющее число современников, Крофорд путал более высокое положение метисов в обществе в отношении доступа к ресурсам господствующей или доминирующей группы (образование, воспитание, экономические выгоды и т.п.) с улучшением «породы» в плане умственного развития. В начале карьеры антрополога эта (в настоящее время кажущаяся очевидной) ошибка с определением «уровня умственного развития» вкралась и в систему взглядов Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай III: 6]. Однако в 1880-е годы Миклухо-Маклай отошел от этой концепции чисто экспериментальным путем, связывая тезис об «улучшении» расы путем смешения только с физическими характеристиками. По его мнению, «изучение

акклиматизации белых под тропиками доказывает, что раса эта в состоянии будет существовать только при помощи скрещенния с туземными расами...» [Там же: 342].

Одним из «родимых пятен» домаклаевской эпохи было пользование данными лингвистики в роли инструмента, с помощью которого очерчивались границы между расами или их подразделениями для последующих выводов о степени родства между ними. Именно с этой целью Миклухо-Маклай собирал словари исследуемых им групп населения. Примеров тому множество. Приведем один из них. «Это сходство между племенами, — писал Миклухо-Маклай в 1874 г., — очень расширяет поле исследований; но вместе с большей трудностью является большее этнографическое значение этих исследований. Антропологические наблюдения, а также собирание словарей сохранившихся наречий, вероятно, приведут к более удовлетворительным результатам, чем которыми мы довольствовались до сих пор» [Там же: 71]. Взаимное наложение предметов этнографии, антропологии и лингвистики выглядит вполне в духе Причарда, но упоминанием антропологических исследований в связке с собиранием словарей Миклухо-Маклай отдает дань именно физической антропологии того времени (не будем сбрасывать со счетов тот факт, что наряду с интересом к предполагаемым различиям в строении мозга исследователи проявляли немалый интерес к анатомическим различиям органов речи).

Приведенное высказывание ставит вопрос о том, в каких контекстах Миклухо-Маклай употреблял термин «племя». Во многих случаях термин «племя» у него выступает как эквивалент термина «раса», но в других, в том числе в данном случае, термин «племя» используется в качестве обозначения подразделений одной расы. Здесь уместно вспомнить название одной из ранних работ Бэра — «О происхождении и распространении человеческих племен» (1822). По Далю, понятие племени определяется так: «В обширном значении: вид животных. Вся племена земная. Племя человеческое, все люди... Народ, язык, совокупность местных уроженцев...» [Даль 1880]. Такое «антропологическое» определение понятия племени удерживалось в российской науке еще довольно долго. Еще в 1916 г. Анучин писал: «...мы знаем, что народность (или народ), племя и раса — понятия весьма различные; принадлежность к известной народности обосновывается на общей культуре, истории, народном самосознании; принадлежность к известному племени обуславлива-

ется общностью языка, принадлежность к одной расе — общностью физического (антропологического) типа» (курсив мой. — П.Б.) [Анучин 1918: 51–52].

Без учета этих контаминаций терминов «народ», «племя» и «раса» рассуждения Миклухо-Маклая довольно сложно перевести на современный язык: в антропологической терминологии его времени «раса» делится на «племена», а «племена» отличаются языковой общностью («антропологическое племя» ≠ «племя как единица социальной организации»). Кроме того, определения Анучина позволяют внести некоторые поправки, касающиеся значения понятия антропологического типа, или *habitus'a*, по Миклухо-Маклаю. Если в настоящее время термин «антропологический тип» служит для обозначения единицы населения, то в конце XIX — начале XX в. он соответствовал понятию «общего типа», противопоставляемого «вариантам» в виде «племен», или «разновидностей» расы.

Поскольку антропологические и этнографические интересы Миклухо-Маклая пересекались, его примечательной особенностью как исследователя стало то, что этнографический опыт оказывал обратное влияние на воззрения в области физической антропологии. Антирасистские положения, из которых он исходил (или к которым он пришел), во многом являются результатом его этнографических исследований.

Еще одно характерное высказывание Миклухо-Маклая касается интеллекта «диких» народов. «Осмотр моей этнологической коллекции, которую я подарил Имп. Академии наук, — писал Миклухо-Маклай, — может убедить каждого, что меланезийцы вообще очень способны. Живя между ними, я каждый день убеждался в этом. Их разнообразные постройки, разноформенные пироги, оружие, ловушки служат тому *доказательством*. Процветание школ, устроенных миссионерами на разных островах Меланезии, быстрые успехи, которые делают дети меланезийцев, вполне подтверждают мой отзыв. Один миссионер, имевший школу для туземцев в Новой Британии, сообщил мне, что обитатель этого острова обнаружил самые блестящие способности по математике. Молодые меланезийцы, обученные в школах, устроенных миссионерами, выказывают большую любознательность и желание учиться» [Миклухо-Маклай III: 336–337].

В этом пункте мы подходим к вопросу о «дарвинизме» Миклухо-Маклая и вместе с тем к вопросу о его, безусловно, отрица-

тельном отношении к концепции умственной неравноценности рас. На последний вопрос мы отчасти уже ответили, рассматривая его интерпретации этнографических фактов. Однако решительный ответ лежит в более широкой сфере постановки «философского» вопроса того времени, касающегося «места человека в природе» (“sogenannte Frage ‘der Stellung des Menschen in der Natur’”, как выразился однажды Эрнст Геккель [Haeckel 1903: 3]).

Так, совсем недавно А.Я. Массов обнаружил, что на всех четырех сохранившихся экземплярах брошюры «Сообщение о путешествиях Миклухо-Маклая» (1887) имеется автограф в виде собственной правки Миклухо-Маклая, ранее не отмечавшийся при издании его трудов: «На с. 7 подаренного великому князю издания в предложении “Между интересными и малоизвестными жителями Новой Гвинеи наиболее интересным представляется мне туземец Новой Гвинеи, *hoto rapua*” Н.Н. Миклухо-Маклай аккуратно, теми же чернилами, которыми написано посвящение Константину Николаевичу, зачеркивает слово “жителями” вписывает “животными”» [Массов 2013: 114]. В газете «Голос», опубликовавшей этот текст в 1882 г., тоже стоят «животные», и лишь в 5-м выпуске «Известиях РГО» в 1882 г. оно заменено словом «жители» [Там же]. Вопрос ставится так: «Каковы были научные, а в связи с упоминанием “животных”, и общественно-политические взгляды Н.Н. Миклухо-Маклая?» [Там же: 115]. Следовательно, подразумевается, что подобная правка вступает в явное противоречие с тем общепризнанным фактом, что Миклухо-Маклай «ни в коей мере не был расистом».

На вполне логичный вопрос, заданный А.Я. Массовым, будет проще ответить, если сформулировать его в таком виде: не является ли факт сознательного использования термина «животные» по отношению к *Hoto rapua* формой противопоставления «людей» («белой расы») и «животных» («темных рас»)?

Высказывания о «животных» в работах Миклухо-Маклая встречаются не однажды. Ср., например: «Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, *уровнем их умственного развития* и т.д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, *наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание*» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай I: 3]. Миклухо-Маклай всегда подчеркивал, что, занимаясь антропологией, т.е. изучая *habitus* людей различных рас, он высту-

пал как зоолог, специалист по сравнительной анатомии животных, интересующийся поиском определителей «зоологического характера расы» (в данном случае зоология означает строгий научный метод) [Миклухо-Маклай II: 109–110; III: 302; V: 41–43]. В этом скорее методическом вопросе он, вероятно, полемизировал с Бэрром, который откровенно сомневался в продвижении познания человеческого рода за счет того, что к нему будет приложена «внешняя форма зоологической системы, без внутренних условий этой внешней формы» (цит. по: [Левин 1960: 34]).

«Зоологическая» терминология Миклухо-Маклая применительно к людям не имеет никакого отношения к его «общественно-политическим взглядам»¹⁷. Обычная научная риторика того времени. Он именовал людей «животными» исключительно в контексте физико-антропологических наблюдений, причем для него «животными» являлись, конечно, представители всех человеческих рас. Редактор, исправивший в тексте Миклухо-Маклая слово «животными» на слово «жителями», сделал это, скорее всего, не потому, что был сторонником идей Чернышевского, а потому что был противником идей Дарвина. Таким образом, внося правки своей рукой, Миклухо-Маклай сделал скрытую ссылку на учение Дарвина, по крайней мере в той его части, которая говорит, что человек происходит из животного мира. Как известно, в те годы Дарвин как автор научных трудов в России был нежелательной персоной. О том, что

¹⁷ В статье А.Я. Массова как на ошибку указывается также на то, что в рассматриваемой публикации Миклухо-Маклай относил папуасов Новой Гвинеи к полинезийцам [Массов 2013: 115]. Это мнение соответствует стандартам пяти- и шеститомного собрания сочинений. Вероятнее всего, использование термина «полинезийцы» является реликтом терминологии, идущей от Уоллеса и других авторов (например, Причарда). Тогда папуасов вместе с полинезийцами относили к «одной большой океанийской, или полинезийской, расе». В тетради “Ethnologia” есть соответствующая выписка из книги Уоллеса, отмеченная знаком “NB” на полях (см. рис. 5) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 12. Л. 3]. Слова «Океания» и «Полинезия» были синонимами. В статье «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» есть фраза: «Новая Гвинея по своему положению составляет центральное звено при исследовании органической природы Полинезии...» [Миклухо-Маклай III: 8]. Таким образом, называя папуасов полинезийцами, Миклухо-Маклай имел в виду, что они являются океанийцами. Никакой корректуры здесь не требуется.

Миклухо-Маклай прислушивался к Дарвину, можно судить по вставке в «Программу» 1870 г. списка вопросов последнего относительно «физиогномических» наблюдений.

В целом не так просто дать точное описание, насколько последовательно и в каких частях Миклухо-Маклай исповедовал моногенизм или полигенизм, креационизм или дарвинизм. Это, пожалуй, две главные компоненты, на которые проецировались элементы различных систем научных взглядов, существовавших в эпоху Миклухо-Маклая. Но в те времена между крайними точками зрения существовало столько градаций, сколько ученых.

В беседе с корреспондентом «Дейли телеграф» в 1885 г. Миклухо-Маклай на первое место поставил требование «самого строгого уважения всех прав туземцев как “людей”, как членов “рода человеческого”» [Миклухо-Маклай V: 543]. Далее он сказал: «Последняя и, я думаю, еще более веская причина того, что я прошу признания автономии туземного правительства (несомненно, под международным контролем), заключается в убеждении, что уже наступило или скоро наступит время, когда цивилизованные державы будут обращаться с туземцами всех частей света (я имею в виду темные расы) с учетом их полного права пользоваться всеми преимуществами международного права, а не как с дикими животными, которых следует приручить к неволе или истреблять как опасных зверей» [Там же]. Безусловно, эти высказывания являются научным «символом веры» Миклухо-Маклая, но в плане приверженности концепции единства человеческого рода с позиций оценки его отношения к креационизму или полигенизму они мало о чем свидетельствуют. Например, к какой теории можно отнести тезис о существовании «географических разновидностей» человечества: к теории моногенизма или полигенизма?

Если Миклухо-Маклай и избегал «широких выводов и обобщений», то это касается вопроса о происхождении человека от человекообразных обезьян. Выше уже говорилось, что, согласно выводам Миклухо-Маклая, «папуасы, как и негры, очень измененное племя, происшедшее от индифферентного родоначальн[ого] племени с курчавыми и прямыми волосами» [Миклухо-Маклай I: 334]. Это можно сравнить с другим положением: «Известно, что низшие организмы по своей индифферентности могут гораздо лучше, с большим успехом, переносить изменения внешних условий, чем организмы более сложные, которые гораздо медленнее осваиваются

с происшедшею переменою» [Миклухо-Маклай V: 48]. Однако вслед за утверждением о происхождении папуасов и негров от «индифферентного первоначального племени» с новой строки идет не совсем понятная фраза: «Также неверно, что человек — животное с гладким лбом» [Миклухо-Маклай I: 334]. *Так же* неверно, как *что*? Но это, пожалуй, единственное высказывание, выражающее мнение Миклухо-Маклая относительно того, где проходит граница между человеком и его животным предком.

Кажется правдоподобным предположение Д.Д. Тумаркина: «Если Геккель, вслед за Дарвином, видел в эволюции прежде всего прогресс, переход от низших форм к высшим в процессе естественного отбора, то его даровитый ученик, следуя в этом вопросе за Бэром, понимал развитие как дифференциацию, т.е. переход от недифференцированной исходной формы к иным формам, необязательно высшим [Тумаркин 2011: 81]. Это в целом укладывается в систему представлений Бэра, критиковавшего концепцию Дарвина с позиций принципа «целеустремленности в природе», но не допускавшего уступок креационизму. Также это не особенно противоречит и взглядам Вирхова, который принимал дарвиновскую идею естественного отбора, но только на правах гипотезы, говоря об отсутствии доказательств перехода от неорганического к органическому, от физического к ментальному и предостерегая от замены догматов церкви «религией эволюции» в вопросе происхождения человека [Virchow 1878: 54–55, 57].

Более очевидной кажется позиция Миклухо-Маклая в отношении проблемы «промежуточного звена». Возможно даже, что результаты своих антропологических исследований он трактовал с помощью теории Бэра.

«Особо, — писал М.Г. Левин, — следует отметить наблюдения Миклухо-Маклая, касающиеся строения ноги у папуасов. Дело в том, что в антропологической литературе того времени немало писали о примитивных особенностях темнокожих рас, сближающих их с обезьянами. Этот ложный взгляд разделял и Эрнст Геккель, видевший в темнокожих расах промежуточное звено между антропоморфными обезьянами и белым человеком. У папуасов в качестве таких признаков “примитивного” анатомического строения отмечали слабое развитие икроножной мускулатуры и оттопыренного большого пальца на ногах.

Миклухо-Маклай установил, что икроножная мускулатура развита у папуасов вполне нормально, что же касается положения большого пальца, то оно является не их наследственной расовой особенностью, а следствием образа жизни, особых приемов труда: папуасы пользуются правой ногой для зажимания различных предметов, при рыбной ловле и т.д.» [Левин 1960: 64–65].

На первый взгляд, Миклухо-Маклая можно было бы отнести к представителям так называемого расиализма — концепции, в словарном значении слова отличающейся от расизма отсутствием «презюмции расового превосходства и вредных намерений», провозглашением принципа «отдельное существование при соблюдении равенства в правах». Иногда расиализм («расовую категоризацию») называют «научным расизмом». Более правильным кажется следовать за С.А. Токаревым, который называл подобные системы взглядов «наивно расистскими представлениями» [Токарев 1978: 32]. Это суждение верно, так как расиалистские концепции на основе указанных признаков возможно отделить от расистских концепций — и тем самым «оправдать» — только в условиях эмбрионального состояния физической антропологии, когда расовые (физические) и культурные (цивилизационные) различия рассматривались как взаимосвязанные величины. Однако Миклухо-Маклай уже тогда воспринимал расовые особенности независимо от уровня развития культуры (см. ниже о совпадении его взглядов по этому вопросу со взглядами Уоллеса).

Для сравнения обратимся к доказательству от противного. В литературе уже давно принято противопоставлять Миклухо-Маклая как борца с расизмом Джеймсу Ханту. Ханта, основателя Антропологического общества в Лондоне (1863–1869), вполне заслуженно относят к числу ученых, проповедовавших откровенно расистские взгляды, однако за компанию с ним расистами в режиме умолчания объявляют всех без исключения членов упомянутого общества.

Вот о чем говорил Хант, касаясь вопроса единства человечества, на первом заседании Антропологического общества: «...мне кажется, что мы совершаем ошибку, группируя все различные расы человека под одним общим (genetic) именем, а затем сравниваем их с человекообразными обезьянами. Если мы хотим хоть как-нибудь

продвинуться в обсуждении этого вопроса, мы не должны говорить о человеке вообще (*generally*), но должны выбрать одну расу или вид и посредством этого сосредоточить наше внимание. Я буду придерживаться этого плана, сравнивая негра с европейцем, таким, каким он представлен немцами, французами и англичанами» [Hunt 1863: 3]. Утверждая это, он вступил в полемику с Причардом, известным сторонником идеи единства человеческого рода, процитировав высказывание из его книги «Исследования по физической истории человечества» (1813): «Следует заключить, что процесс природы в человеческих видах — это трансмутация черт негра в черты европейца, или *эволюция* белых признаков (*varieties*) в черных расах людей» (курсив мой. — П.Б.) (цит. по: [Hunt 1863: 4]).

По мнению Причарда, существуют факты, подтверждающие изменение в данном направлении, но не в обратном: негры представляют первоначальное племя людей (“*primitive stock of men*”) (цит. по: [Ibid.]). В связи с этим Хант указывает на то, что Блюменбах и Причард, будучи адвокатами единства человечества (*unity of man*), существенно противоречат друг другу. Блюменбах видит в своих пяти *varieties* человека не что иное, как следы вырождения некоторого идеального, совершенного типа; Причард не обнаруживает никаких оснований для подобных утверждений [Ibid.]. Заметим, что на этом этапе развития своих взглядов Хант принципиально ни в чем не отклоняется от тех стандартов при постановке вопроса о единстве человечества, которые были приняты научным сообществом в целом: моногенизм и полигенизм (ср. современные понятия моноцентризма и полицентризма). Дискредитировал он себя позже, когда в 1865 г. опубликовал статью, в которой путем явно недобросовестного обращения с фактами доказывалась эволюционная неполноценность представителей негроидной расы [Hunt 1865: 1–64].

Меньше известно о том, что в 1867 г. появилась третья статья Ханта, которая и стала настоящим концом его научной карьеры. Она называлась «О физиоантропологии, ее целях и методе». В ней он выступил с положением о том, что антропология, или наука о человеке, как отрасль биологии должна быть разделена на «доктрину форм» и «доктрину функций». Из этого, по его мнению, вытекает существование двух отдельных дисциплин — физиоантропологии, или доктрины функций, и физической антропологии, или доктрины форм человечества [Hunt 1867: cсiij]. Но — самое главное —

в физиоантропологию он включал психологию, френологию и физиологию мозга [Ibid.]. Собственно говоря, на френологии Хант и попался. На заседании Антропологического общества его теория была подвергнута полному разгрому. Уоллес выразил несогласие прежде всего с той частью работы Ханта, которая касается френологии. Он подчеркнул, что антропологи до сих пор рассматривали ментальные свойства и физические различия человечества как изолированные явления [Wallace 1867: cclvi]. Другие участники дискуссии говорили примерно то же самое: демонстрируя верный (т.е. общепринятый в то время) метод исследования, Хант проявил удивительное непонимание того, что френология является лженаукой [Journal 1867: ccxlv]. Некоторые вообще называли его дилетантом (“dilettant observer”), имея в виду непрофессиональное обращение с эмпирическими фактами [Ibid.: cclii].

Миклухо-Маклай оказался в Лондоне только в 1870 г., когда Антропологическое общество уже прекратило свое существование. Однако ясно, что в своих антропологических исследованиях (и посредством них) он солидаризировался с критиками Ханта. В частности, он всегда исходил из только что процитированного мнения Уоллеса, работы которого упоминаются и в его тетради “Ethnologia”, и в «Программе», зачитанной на заседании РГО в 1870 г.

Итак, мы приходим к тому, что легче определить не то, кем был Миклухо-Маклай, а то, кем он *не был* — и *в чем* именно. Очевидно, что он не был откровенным креационистом. Полигенистом он не мог быть, поскольку не связывал индекс умственного развития людей с расовыми особенностями. Дарвинистом в полном смысле этого слова он, вероятно, тоже не был, поскольку придерживался концепции дифференциации, а не естественного отбора. Вместе с тем в «Этнологических заметках», касаясь проблемы возникновения языка, он ссылаясь на немецкий перевод книги Дарвина “Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchwahl” (Stuttgart, 1871)¹⁸. Моногенистом он, вероятно, не был в той мере, в которой принимал и развивал концепцию географических разновидностей человечества. Расистом он, разумеется, быть вообще не мог, так как

¹⁸ Опять-таки, поскольку «Этнологические заметки» были впервые опубликованы в 1873 г., становится довольно сложно утверждать, что Миклухо-Маклай в течение долгих лет своих странствий был оторван от европейского научного сообщества.

полностью отвергал концепцию умственной неравноценности рас, в частности, явно отрицал положение, согласно которому темные расы занимают промежуточное положение между белой расой и человекообразными обезьянами, а расалистом (в отличие от многих почтенных современников) он не был в силу того, что свою общественную деятельность строил на принципах, противоположных концепции раздельного существования рас. Впрочем, его основные интересы лежали в такой плоскости (построение моделей конкретных наук, постановка экспериментов), что перечисленные глобальные противопоставления не могли оказывать серьезного влияния на результаты его исследований.

Если попытаться охарактеризовать систему его взглядов в краткой форме, то по своим научным воззрениям ему ближе всего «осторожный» Рудольф Вирхов, за спиной которого можно разглядеть фигуру Карла Бэра на фоне достижений (или ошибок) английских эволюционистов. При желании создать более подробный «портрет ученого» превращение «негативного» изображения в «позитивное» возможно средствами построения частных схем взаимодействий или *табуляции* систем научных взглядов тех ученых, которые предположительно могли оставить наиболее глубокий отпечаток на его научном мировоззрении: Причарда, Бэра, Дарвина, Геккеля, Гексли, Вирхова и др. Такие работы встречаются, но крайне редко (см. выше: [Бутинов 2001: 5–10]). В результате последовательного наложения полученных графов на общий рисунок исследований Миклухо-Маклая должна возникнуть целостная картина его теоретических воззрений, которая выявит связи между, казалось бы, автономными элементами «изображения» (отдельными выводами и высказываниями). Возможно, он сам не артикулировал такие связи, сосредоточившись на практическом применении тех или иных теоретических посылок путем скрытого цитирования.

Общим итогом антропологических изысканий Миклухо-Маклая можно считать заметное повышение уровня физической антропологии, изменение способа аргументации («дискурса»), а лучше сказать, прагматики и в целом создание карты терминов и понятий, близкой к современной. Действительно, в его работах мы не найдем прямых указаний на какие-либо теоретические предпочтения, однако, избегая «широких обобщений», он лишь миновал все те заблуждения, которые современная наука отбросила в качестве исторического «шлака». Образно говоря, он напрямую «переташил»

антропологию из середины XIX-го в XX-й век. Конечно, система его теоретических воззрений не могла быть совершенной относительно того комплекса знаний, которым мы пользуемся в настоящее время (теория антропогенеза, генетика, приматология и пр.). Но в момент своего рождения любая новая теория — даже при достаточной оснащенности первичными эмпирическими открытиями — выглядит «гадким утенком». Для нас важен не столько вопрос, является новорожденная теория «совершенной» или «несовершенной», сколько вопрос, содержит она в себе потенциал для дальнейшего «развития и уточнения» или нет.

Для этнографов более существенной является обратная сторона антропологических исследований Миклухо-Маклая: выделение предметной области этнографии, превращение ее из нечеткого в четкое множество, ибо, совершенствуя антропологический понятийный аппарат, он неизбежно все более отдалял этнографию от (физической) антропологии, освещая ее область отраженным светом антропологических исследований. «Маклаевская диада» возникла раньше «анучинской триады» и, как кажется, пережила ее в истории отечественной науки.